НАВАРИНСКАЯ БИТВА.

Лѣтъ шесть уже боролись греки съ турками и хотя были гораздо послабѣе, но все еще держались. Турки принялись душить и рѣзать ихъ, гдѣ могли одолѣть, поголовно. Государи русскій, англійскій и французскій условились кончить дѣло это и потому, приказавъ посланникамъ своимъ переговариваться въ Царьградѣ, въ тоже время выслали по эскадрѣ въ Средиземное море, къ греческимъ берегамъ, чтобы понудить турецкаго адмирала къ перемирію съ греками, до окончанія переговоровъ и условій.

Турецкій адмиралъ, Ибрагимъ–паша, стоялъ въ это время съ флотомъ въ наваринской гавани; ему объявили требованіе трехъ союзныхъ державъ и онъ далъ слово остаться въ гавани и выждать повелѣній султана. Чрезъ нѣсколько дней онъ видно одумался и вышелъ было со всѣмъ флотомъ въ море: но англійскій адмиралъ принудилъ его воротиться, войти опять въ наваринскую гавань и стоять тамъ,

какъ обѣщано было, на якорѣ. Не охотно покорился этому Ибрагимъ–паша, но не рѣшаясь противиться, думалъ объѣхать насъ на кривыхъ: въ досадѣ что его заставили воротиться, онъ высадилъ въ Наваринѣ войско на берегъ и пошелъ самъ съ нимъ опустошать греческую землю, грабить, жечь и рѣзать. А надо сказать, что городъ, крѣпость и гавань Наварина были уже до этого въ рукахъ у турокъ, а вся земля вокругъ населена греками и оставалась еще за ними. Вотъ Ибрагимъ–паша и думалъ: пусть же караулятъ меня съ моря — а я тѣмъ часомъ позабавлюсь на берегу.

Между тѣмъ подоспѣли и французская и наша эскадры; наша подъ начальствомъ адмирала графа Гейдена. Три эскадры соединились и главное начальство принялъ англійскій адмиралъ Кодрингтонъ, какъ старшій въ чинѣ.

Узнавъ, что Ибрагимъ–паша опять отступилъ отъ слова своего и безчинствуетъ съ войсками на берегу, главнокомандующій, въ полдень 8–го октября 1827 года далъ

сигналъ войти въ гавань; но въ тоже время, надѣясь еще кончить дѣло миролюбно, строжайше запретилъ не только начинать дѣла, но даже подавать чѣмъ нибудь видъ, будто мы хотимъ ссориться или драться.

Гавань эта, съ довольно узкимъ входомъ, который прикрытъ крѣпостями, очень просторна: тамъ могли бы стать едва ли не всѣ флоты вмѣстѣ, сколько ихъ есть на свѣтѣ. Турецко–египетскій флотъ, всего до 65–ти большихъ и малыхъ военныхъ судовъ, въ томъ числѣ 5 брандеровъ и до 30 транспортовъ, стоялъ въ три линіи, подковой, вкругъ всей гавани; всего у нихъ было 2082 пушки и 18,700 человѣкъ экипажа; на каждомъ 84 и 74 пушечномъ кораблѣ (которыхъ всего было 8) находилось 4 пушки, могущія бросать мраморныя ядра въ три пуда вѣсомъ. Союзный флотъ имѣлъ всего 10 линейныхъ кораблей, 10 фрегатовъ, 2 корвета, 1 бригъ, 2 шкуны, 2 тендера — итого 27 судовъ; въ томъ числѣ русскихъ 4 корабля и 4 фрегата. Союзный флотъ сталъ входить въ гавань: впереди англійскій адмиралъ, на

кораблѣ Азія; съ наваринской крѣпости, у входа на горѣ, сдѣлали холостой, сигнальный выстрѣлъ, и все утихло. За англійскою начала вступать французская эскадра (адмиралъ Риньи).

Наша эскадра шла послѣднею и потому проходила между огнемъ крѣпости и береговыхъ баттарей, которыя молчали при проходѣ англійской эскадры. На эти выстрѣлы, наши не отвѣчали, а спѣшили къ мѣсту; она стала бортъ о бортъ съ турецкими кораблями, по лѣвую руку отъ входа, между тѣмъ какъ англійская и французская эскадры заняли средину и правую сторону подковы. Нашъ адмиральскій корабль Азовъ (капитанъ 1 ранга Лазаревъ), подъ флагомъ контръ–адмирала графа Гейдена, сталъ ближе всѣхъ къ срединѣ; отъ него ко входу въ гавань: Гангутъ (командиръ Авиновъ), Іезекіилъ (командиръ Свинкинъ), Александръ Невскій (командиръ Богдановичъ); фрегаты: Проворный, Елена, Касторъ и Константинъ.

Главная сила турокъ находилась по правую руку при входѣ въ гавань. Тутъ стояло, въ первой линіи, два линейныхъ корабля ихъ и четыре двухдечныхъ фрегата; далѣе одинъ большой фрегатъ, линейный корабль и три фрегата различной величины, — а во второй линіи мелкія суда; по обоимъ концамъ подковы, у входа въ гавань и стало–быть на вѣтрѣ, стояло 5 брандеровъ.

Англійскій адмиральскій корабль, Азія, бросилъ якорь передъ турецкимъ и египетскимъ адмиральскими кораблями, которые стояли оба рядомъ; за ними подошли прочіе англійскіе, а потомъ французскіе корабли. Шлюпка съ англійскимъ офицеромъ съ фрегата Дармута, посланная къ турецкому адмиралу, проходила мимо брандера, съ котораго вдругъ ружейнымъ залпомъ убили этого офицера и нѣсколькихъ матросовъ. Французскій адмиральскій фрегатъ Сирена стоялъ вплоть подлѣ этого брандера и египетскаго фрегата, и могъ бы потопить тотчасъ виновный брандеръ, но надо было

дать время англійской шлюпкѣ удалиться. Египетскій фрегатъ не выдержалъ и первый пустилъ два ядра въ Сирену; она тотчасъ же отвѣтила всѣмъ лагомъ и почти съ перваго разу уничтожила своего непріятеля.

Въ тоже время какъ и при входѣ въ гавань, англійскій адмиралъ послалъ на шлюпкѣ другаго офицера увѣдомить турецкаго адмирала, что если самъ онъ не начнетъ дѣла, то мы драться не хотимъ. Вмѣсто отвѣта, и этотъ офицеръ былъ убитъ изъ ружья, а турецкій адмиральскій корабль пустилъ нѣсколько ядеръ. Тогда Азія, англійскій флагманъ, открылъ такой страшный огонь, что оба непріятельскіе адмиральскіе корабля вскорѣ разбиты были въ пухъ.

При первомъ выстрѣлѣ, которымъ убитъ былъ англійскій переговорщикъ, русская эскадра вступила въ гавань и должна была выдержать сильный огонь береговыхъ баттарей, которыя дотолѣ молчали. Она пустилась на лѣво, вдоль турецкаго флота, бросая якорь бокъ о бокъ съ непріятелемъ; нашъ Азовъ сталъ противъ адмиральскаго

корабля Тагира–паши, и не прежде, какъ занявъ свое мѣсто, корабли наши открыли убійственный огонь противу тройной линіи турецкаго флота.

Четыре часа безъ умолку страшный громъ пушекъ раскатывался по простору — дымъ налегъ черной тучей на всю обширную гавань; турки смолкли — замолчали и наши: а когда вѣтеръ, дувшій отъ входа въ гавань, согналъ тучи дыма на берегъ, къ горамъ, то увидѣли что турецко–египетскаго флота нѣтъ.

Въ самомъ дѣлѣ, видно у насъ рука легка: была бы шея крѣпка. Ядра нашихъ трехъ эскадръ въ четыре часа уничтожили наголо болѣе 60–ти непріятельскихъ судовъ, въ томъ числѣ корабли трехъ адмираловъ турецкихъ: Тагира–паши, капуданъ–бея и мохаремъ–бея. Всѣ были потоплены, либо горѣли ярымъ пламенемъ, либо сбиты на берегъ и брошены экипажами.

Пороховой дымъ угнало вѣтромъ, а теперь всю гавань покрылъ огонь. Турецкіе корабли горѣли, словно въ запуски, и

страшные взрывы, одинъ за другимъ, оглушали окрестность и встряхивали городъ Наваринъ и прибережныя горы.

Не много времени четыре часа, а много тутъ сталось дивнаго и славнаго для насъ и нашихъ союзниковъ.

На французскій корабль Сципіонъ навалилъ брандеръ турецкій, такъ что бушпритъ Сципіона завязъ въ снастяхъ и вантахъ фокъ–мачты брандера. Пламя по вѣтру уже зализывало въ открытые порты; картузы загорались въ рукахъ матросовъ; трижды загорался корабль въ разныхъ мѣстахъ и девять матросовъ погибли отъ ожоговъ, при стараніи освободиться отъ брандера. Его благополучно оттащили буксиромъ и пустили подъ вѣтеръ, на турецкій же флотъ.

Французскій адмиральскій фрегатъ Сирена, подошедъ на пистолетный выстрѣлъ къ двухъ палубному турецкому фрегату залпомъ поднялъ его на воздухъ — и самъ едва только спасся, потерявъ при взрывѣ свою бизань–мачту.

Англійскій адмиральскій корабль Азія, не давъ непріятелю своему времени очнуться, положилъ на палубахъ турецкаго адмирала до 650 человѣкъ, избивъ корабль его въ рѣшето.

Нашъ Азовъ связался вдругъ съ пятью большими военными судами: тогда Французскій корабль Бреславль, обрубивъ канатъ, подошелъ на помощь и сталъ поперегъ, подъ кормой Азова, прикрывъ его отъ продольныхъ выстрѣловъ. Азовъ разбилъ въ щепу двухдечный фрегатъ Тагира–паши, сбилъ на берегъ 80–ти пушечный корабль, который сгорѣлъ, и вмѣстѣ съ Бреславлемъ потопилъ еще два большихъ фрегата и корветъ. Изъ 600 человѣкъ команды на кораблѣ Тагира–паши, до 500 было убито и ранено. Лейтенанту Бутеневу, на Азовѣ, оторвало руку: его только насильно могли отвести отъ пушекъ на перевязку, гдѣ ему тотчасъ отрѣзали руку по плечо; въ это самое время раздалось громкое ура команды, на гибель Тагира–паши; Бутеневъ вырвался, вскочилъ и подхватилъ громкимъ голосомъ ура!

Командиръ корабля Іезекіилъ капитанъ Свинкинъ, тяжело раненый картечью въ началѣ сраженія, остался на ютѣ и командовалъ до конца.

Гангутъ разбилъ фрегатъ турецкій и нѣсколько корветовъ и бриговъ; Іезекіилъ также разбилъ большой фрегатъ и нѣсколько мелкихъ судовъ; а на долю Александра Невскаго достался двухдечный фрегатъ, которыхъ у турокъ было много, да два корвета.

Англійскіе бриги Москито и Филомель, завязавшіе, у самаго входа въ гавань, дѣло съ четырьмя брандерами, попались было въ такой перекрестный огонь, что послали шлюпку просить помощи у сосѣдей; наши фрегаты Касторъ и Константинъ кинулись съ такимъ рвеніемъ на выручку, что столкнулись было, бросая якорь. Одинъ изъ англійскихъ бриговъ много потерпѣлъ и потерялъ всѣ якоря; нашъ Константинъ взялъ его на бакштофъ и продержалъ всю ночь.

Разбитый Азовомъ египетскій адмиральскій корабль отрубилъ канатъ и

привалился къ берегу; но часу въ 12–мъ ночи вѣтеръ измѣнился, снесъ Тагира–пашу съ мели и понесъ его поперегъ линіи нашей по гавани, такъ, что онъ навалилъ на Гангутъ. Этотъ встрѣтилъ его залпомъ и экипажъ кинулся на абордажъ, но корабль Тагира былъ уже зазженъ турками въ шести мѣстахъ и пущенъ вмѣсто брандера. Насилу успѣли съ Гангута погасить пожаръ, потомъ, срубивъ бушпритъ у Тагира, отсунули его шестами. Азовъ также едва только успѣлъ отрубить канатъ, чтобы избавиться отъ этого гостя. Въ это самое время взорвало на воздухъ ближайшій турецкій фрегатъ.

Вообще въ дѣлѣ этомъ, гдѣ флоты дрались ставъ тѣсными рядами на якорь, а турки съ навѣтру пустили шесть брандеровъ, отъ гостей этихъ была большая опасность; но бѣды никакой не случилось, а напротивъ, всѣ брандеры благополучно пропущены сквозь нашу линію и за тѣмъ наваливали на самихъ турокъ.

При разбитіи Азіею турецкаго адмиральскаго корабля, пособилъ и нашъ

Азовъ. Когда Бреславль (французскій) выручилъ его, какъ уже расказано было выше, и Азовъ нашъ вздохнулъ посвободнѣе, то 80–ти пушечный корабль Мохаремъ–Бея, съ которымъ дралась Азія (англійскій), повернулся прямо кормой къ нашему Азову. Это случилось отъ того, что Мохарему перебило ядромъ шпрынгъ. Увидавъ это, на Азовѣ тотчасъ отдѣлили 14 орудій, чтобы бить Мохарема, и разбили ему всю корму; а когда вслѣдъ за тѣмъ у него въ констапельской загорѣлось, то сильнымъ картечнымъ огнемъ съ Азова не давали туркамъ приступиться къ тому, чтобы тушить у себя пожаръ, почему Мохаремъ сгорѣлъ и взлетѣлъ на воздухъ.

Въ дѣлѣ этомъ три адмиральскіе корабля болѣе всѣхъ потерпѣли; между прочимъ англійскій потерялъ бизань–мачту, а французскій гротъ и бизань–мачты; у Азова всѣ мачты такъ избиты, что онъ и при фальшивомъ вооруженіи съ трудомъ только могъ нести паруса. На Азовѣ въ самомъ корпусѣ было 153 пробоины и 7 подводныхъ.

Во время сраженія, между судами нашими взорвало 13 турецкихъ военныхъ судовъ, да ночью и на другой день еще 18; изъ всего турецкаго флота остался 1 фрегатъ и до 15–ти мелкихъ судовъ. Не мудрено было бы и ихъ уничтожить; но адмиралы не хотѣли этого, какъ и не хотѣли брать ихъ въ плѣнъ, такъ какъ въ то время не было объявлено туркамъ войны и вся битва наваринская была только оборона и наказаніе отъ насъ беззаконнымъ зачинщикамъ.

Когда государь нашъ съѣзжалъ съ Азова, готовившагося отплыть изъ Кронштадта въ Средиземное море, то сказалъ: «Надѣюсь, что въ случаѣ военныхъ дѣйствій, поступлено будетъ съ непріятелемъ по русски.» Англійскій адмиралъ Кодрингтонъ, главнокомандующій тремя союзными эскадрами, сказалъ за нѣсколько дней передъ этимъ дѣломъ Ибрагиму–пашѣ, турецкому главнокомандующему: «Мы не начнемъ; но если хотя одинъ выстрѣлъ сдѣланъ будетъ по союзному флоту, то

всего турецко–египетскаго флота не станетъ.»

Ни мы, ни союзники наши охулки на руку не положили. У насъ, на русской эскадрѣ, всего убито: офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 57; ранено офицеровъ 18, въ томъ числѣ командиръ Свинкинъ; — нижнихъ чиновъ 121.

И дорого, да мило!